

Нинель Красюк

Неська белобрысеньякая

*Памяти моей
дорогой сестры Клары*

Сон детства

Одно время ей снился один и тот же сон. Она ложилась спать и знала, что он повторится. Да. Повторялся. Все было так, будто она смотрела на экран телевизора. Вот она маленькая девочка на улице небольшого северного городка. Ей лет 5–7. Она идет вдоль березовой аллеи, она не торопится, разглядывает старые березы. Как наяву видит каждую ветку, нарост и треснувшую кору. Под деревьями попадаются грибы, она видит вытопанную траву, камешки, беленькие цветы. Впереди справа — стадион, а слева рядом с развалинами после бомбежки — немецкое кладбище. Она переходит дорогу и направляется вдоль стадиона на небольшую горوشку.

Там останавливается и оглядывается вокруг. Северное белесое солнце ярко светит, и она прикрывает ладошкой глаза.

Справа от нее высится здание школы, красивое, манящее. Девочка стоит на горوشке с закрытыми глазами и загадывает желание «Буду ли я хорошо учиться?»

Она не дожидается, когда пойдет учиться, мечтает о портфеле, тетрадках и книжках. Мама очень хочет, чтобы Клара, Нелина старшая сестра, училась хорошо, но та не любит учиться, мама сердится и всегда говорит: «Кларка, будешь портнихой. Посмотришь, будешь портнихой!»

Неля не хочет быть портнихой, ни за что. Она хочет учиться и учиться очень хорошо или просто хорошо.

Если сбежать с горوشки попадаешь прямо на берег залива. Напротив, на другом берегу видна Кларина школа. Она для тех кто старше и учиться десять лет. Во дворе школы есть спортивная площадка, зимой она становится катком. В здании школы большой настоящий спортзал. Слева виден мост, справа проходит ветка железной дороги.

У самого берега, выложенного серыми и розовыми гранитными блоками, растут камыши. Если наклониться, то видны стайки рыбок.

Кажется, что поймать их очень просто. Неська опускает ладошки в воду, и рыбешки шустро врассыпную уплывают прочь.

Вода чистая и прозрачная, серебряными каплями падала с пальцев.»

Водичка-водичка, умой мое личико. Чтобы щечки горели, чтобы глазки блестели.»

Часто Неська приходила сюда одна и с друзьями. Здесь можно было провести целый день. Главное, чтобы карманы не были пусты. Делились, у кого что было съедобное — черный хлеб, намазанный маргарином и присыпанный сахарным песком, слипшиеся конфеты «подушечки» с вареньем, брикеты сухого фруктового чая или куски жмыха. Тут было всегда интересно: летом плавали в заливе, а зимой скатывались кто на санках, кто на ногах, а то все вместе кучей с крутого склона по ледяной дорожке прямо на замерший лед залива. Кроме того, по весне тут на колючих кустах появляются кисленькие листочки, которые тут же поедаются. Дети разделяют кусты на участки, огороды, и при делении возникают споры: «Я первый прибежал, это мой огород.»

Пройти чуть прямо по дороге вперед и попадаешь в старый большой парк, где есть бот царя Петра I. В него залезали и воображали, что плывут по морям, по волнам... На солнечных полянах рос белый клевер- сладкая кашка, а рядом кислющий дикий щавель. На скалах растут маленькие яркие цветы, а под елками можно пощипать заячьей капусты. Плешивые скалы нагреваются на солнце, на мягких низких мхах здорово посидеть, ни о чем не думая. Сюда

прибегали поиграть в мяч, в прятки, просто попрыгать с камня на камень. В парке всем хватало места и взрослым, и детям, всем находилось занятие по душе. Еще в парке был трамплин, качели, площадки для волейбола и футбола, а также открытая танцевальная площадка. Вход в парк был платный, но не для них, для них в каждом заборе находился свой бесплатный вход, через который и забегали туда своим табуном.

Парк казался бесконечным, пока однажды не забежали в неизвестно какую даль, где еще никогда не были.

Прибежали и замерли. Цепью вытянулись по скалам и встали неподвижно, как пингвины. Под мокрым темным небом на другом берегу черной щеткой высился еловый лес. Тут же вспомнились страшные случаи, о которых говаривали по домам и ходили слухи. «Если что найдете, ничего не берите в руки. Ребенок на Садовой остался без руки. Нашел во дворе красивый мячик, поднял и все — нет руки. А у девочки оторвало пальцы.

Ручку подняла.» Последнее время город будоражила молва — двое перешли границу. Идут двое. А след один. Пограничника убили ножом в спину. Не заходите в лес далеко, их пока не задержали.» А тут еще холодная гладь воды, отливающая свинцом низкого серого неба, да угрюмые скалы испугали так, что умчалась ватага

быстрее ветра и больше туда ни ногой.

В светлой серости белой ночи разносились призывы матерей, зовущих своих детей по домам. Было уже очень поздно, но эта дымчатая сумеречная обманчивость скрывала время. Голоса родителей были спокойны, действительно поздно, да и они только вспомнили про время. Нечто было странное в голосах, то, что и привлекало внимание — они звучали на нескольких разных языках.

Интернациональная стайка детей разбежалась по домам. Они общались между собой на одном им понятном языке, смеси финского, карельского, идиша, какие-то отдельные слова по-шведски, но общим для них всех был русский. Хотя надо было слышать, как они произносили слова и невпопад вставляли понравившиеся им фразы. Но русскому обучали в школе, на нем учили читать и писать, а вечерами была «настоящая практика». Однако, таблички на улицах, газеты, радио и книги в библиотеках были как на русском, так и на финском. языках. Такова была жизнь в приграничной Карелии.

Маленькая Неля — одна из той интернациональной компании. Как было ей интересно слышать, как по-другому говорят в доме Идки и Венки, по-карельски, а вот дед Мойша Таньку ругает на своем еврейском языке. А Урхо, Свея, Элиза и их родители тоже говорят по-своему,

по-фински.

Конечно, они говорят и по-русски, но смешно.

Неля пыталась повторять слова, прислушивалась запоминала. Она старалась проникнуть в тайны чужих слов, звуков. Получалось, но плоховато. Однако постепенно из звуков начали получаться слова, а из слов фразы. Но хотелось побыстрее, побольше, а главное самой начать что-то говорить. Нужна волшебная палочка, они с сестрой где-то она читали о такой. Ладно, будет и у нее. Взяла ветку покривее, зубами очистила от коры, обломала покороче. Края доделает дома. Готово. Теперь она сможет все и сама!

Елка

Звездным декабрьским вечером Неська подошла в парке к самой большой ели.

Она встала около нее, прижавшись к стволу щекой. Смолистый запах щекотал в носу, а кора прилипала к щеке. Неська посмотрела вверх. Елка была высокая и ветвистая. Сквозь густые ветви кое-где высоко виднелось небо в ярких точках звезд. Снег искрился в лунном свете, хрустел под ногами снег. Все казалось сказочно красивым и волшебным. Неська постучала своей волшебной палочкой по елке, и звезды нечаянно подслушали:

Елка-елка, вот у меня волшебная ветка. Я постучу по тебе три раза изагадаю желание.

— Пожалуйста, исполни его. Прошу тебя. Ты ведь можешь это, такая большая и волшебная. Ты ведь все можешь, да?

Неля три раза хлестнула веткой по коре ели и жарким шепотом стала просить:

— Помоги мне узнать, как они это говорят по-другому, не по-русски. Я тоже хочу так научиться говорить, как Урхо и Свея с Элизой. Ты ведь знаешь про Златовласку.

Я хочу быть, как она, так же уметь, как она умеет понимать, как говорят другие люди и звери.

Она крепче прижалась к елке, погладила ее. Затем повернулась к стволу ели спиной. Вдруг над крышами домов пронеслось что-то яркое, но это не была звезда. Звезды обычно падали с неба и тогда все загадывали свое желание. Пока она думала, что это было, над крышами стало по обычному темно, но зато вдали запылало безмолвное северное сияние.

Неська постояла еще немножко под елкой, потом побежала домой.

Снег весело скрипел под ее валенками.

С той поры Неля еще внимательнее стала вслушиваться в слова и фразы, которые говорили ее друзья. Уверенная, что елка ей помогает, она стала обращаться к тете Хильде и дяде Вяйно, родителям

подруг, чтобы они на своем языке называли предметы в квартире. После этого слова и предложения стали более понятными. Ей хотелось поскорее сказать что-то на их, финском языке. Как же все интересно!

Неська идет в школу

В доме жила кошка Маня. Сколько всегда кошек было в доме, но почему-то все они были Манями. Коты были Кузи, а кошки Мани. Маня была простой бело-серой кошкой с короткой шерстью. Жила независимо сама по себе, своевольной была, любила гулять больше на улице, а в дом заходила только поесть. Даже если Мане удавалось поймать мышь, она тащила ее в дом или на крыльцо. У нее постоянно были котята и с ними не знали, что делать. Вот и опять появилось двое. Одного решили тут же оставить себе. Это был комок серой шерсти с широкими темными полосками. Всем он очень понравился. Назвали котенка Ивасик. Правда, потом оказалось, что это была кошка, но имя уже не меняли. К нему все привыкли. Но шерсть у Ивасика была необыкновенной, даже на пузе -13 сантиметров! Ивасик стал первым Неськиным другом. По вечерам, когда их оставляли одних, Ивасик утешал, как мог, мурлыкал, ходил следом, слушал, как

Неська читала ему газеты или книги. От него шло тепло и спокойствие.

В это утро Ивасик забился куда подальше с глаз. Всей своей шерстью он чувствовал тревогу в доме. Что-то должно было произойти, хотя он и не знал, что это может быть.

С утра мама, Анна Ильинична, объявила:
— Неська, сегодня идем в школу.

Неська тут же залезла под стол и спряталась за бахромой скатерти.»

Какая школа?! Да, портфель давно готов, но у нее совсем другие планы.

Столько дел: не дочитана книжка, в углу сарая спрятана проволока и надо еще размотать мотор. Там тоже много медной проволоки. Собран мешок тряпок. Все надо отнести во вторсырье. Как раз принимают. На эти деньги она рассчитывала купить игрушек к Новому году на елку. Ей надоели эти бусы из бумаги и конфеты. Вот шары — здорово! Еще надо склеить мебель для игрушечного кукольного домика, а то высохнет клей. Она уже давно все вырезала из календаря. Школа! Еще чего! Читать она умеет. Читает даже газеты у мамы на работе вслух, и все говорят, что она хорошо читает. Даже писать умеет буквы... Правда, левой рукой, мама говорит, что в школе пишут правой, и люди пишут слева направо, а не с конца страницы и не снизу листа вверх. Господи, когда тебя научат

уму-разуму. Всегда заставляла смотреть в книгу: «Смотри, как тут написано». Откуда она знает, как тут написано.

Может, кто левой писал. Правой плохо. Неудобно писать... Да, ей охота в школу, но не сегодня же.

Но мама вытащила ее из укрытия, заставила поесть, переодеться, дала в руки портфель, и они пошли. Мама шла быстро, а Неська еле тащилась рядом.

В школе стало еще страшнее. Она рванулась к двери, но мама успела ухватить ее, и они вместе зашли в класс. Мама сказала несколько слов учительнице и тут же вышла, а Неська осталась.

Вечером дома мама рассказывала, что она постояла за дверью и держала ее, чтобы Неська не убежала из класса. Но она осталась в школе.

Школа должна была начаться в прошлом году. Но Неська родилась поздней осенью и когда пришли домой записывать в школу, то спросили: «У вас есть школьники? Так. Старшая. Понятно. Одна девочка ученица пятого класса. А эта ваша... белобрысенькая, с колечками на голове?»

Заметив, что Неська надулась, учительница продолжала: «Вот та вторая, маленькая, белобрысенькая которая? Сколько ей? Ах, осенняя, тогда может еще годик походить в садик. Маленькая она у вас.»

— Мам, чего она меня обозвала «белобрысенькая», «беленькая, маленькая» — злилась Неська.

— А что? Это учительница хотела сказать, что Клара темненькая, а ты светленькая...

— Не хочу быть светленькой. Хочу быть рыжей, как Лийка. Она красивая на солнце.

— Господь с тобой, Неська. У нас пол-Сибири родственников рыжих бегают. Может быть еще и веснушки рыжие на щеках хочешь? Мы с Шуркой, теткой твоей, просто счастливы, что мы темными уродились. Нашла чего хотеть!

В школу ее так и не отправили в ту осень, было решено, что еще годик походит в сад, подрастет, окрепнет.

Однако, Неська уже передумала. «Уж лучше школа сегодня, чем целый год в сад. Рыбий жир, гулять только во дворе сада, спать после обеда. Нет!»

Но Неську повели в сад.

На севере осень рано приходит — холодная, сырая, по утрам иней и ледок на лужах.

Она начала одеваться, не торопилась. Ей помогли и сверху накинули платок, сзади его перевязали крест-накрест. Платок колот и тер щеки, налезал на глаза, а длинные кисти лезли под ноги, она наступала на них и почти падала.

Шли медленно. Мама все время

поторапливала:

— Или быстрее, я опоздаю на работу из-за тебя... А ты опаздываешь в группу. Нас опять будут ругать.

Вошли на горку, вот и сад видно, совсем близко. Посреди перекрестка разлилась большая, глубокая лужа со льдом по краям и блестками льда по воде.

Мама повела Неську в обход лужи, но та вдруг вырвалась и вперед, к луже. Вбежала в нее и уселась в самом центре. Грязные ледяные брызги взлетели вверх и веером рассыпались по сторонам. Мама испуганно отпрянула:

— Что ты желаешь, дрянная девчонка?! Я уже точно опоздала на работу.

Бежим домой переодеваться.

Дома мама глянула на часы:

— Ладно, сегодня оставайся дома, я на работу.

А завтра история повторилась, хотя сегодня на ней не было платка — не просох после стирки. Неська опять осталась дома.

Так Неська завоевала свое право не ходить в сад, а быть дома.

Но чтобы год не терять ее отдали учиться музыке. Учительница Ольга Габриэловна была высокая и красивая, «как елка» — сразу же подумала Неська.

Дома инструмента не было ходить к

знакомым, к Нате Казимировне. Это было очень интересно. Дом у Наты Казимировны большой и красивый.

Попасть в него было непросто, надо было идти через проходную, где солдат всегда спрашивал:

— Девочка, а вы куда?

Неська не только готовилась к уроку по музыке, но попутно училась и читать.

Тетя Ната Казимировна любила усадить Нелю в кресло и просила почитать. Почти всегда она обычно лежала на диване с мокрым полотенцем на голове и с кулинарной книгой в руках, и слушала, порой исправляя ударения или отвечая на вопросы, что это или то. То, что было не дочитано, уносилось домой, а потом тетя Ната спрашивала и внимательно слушала, как Неля рассказывала о том, что же было дальше. Кроме того, она любила советоваться с Неськой:

— Неся, а как ты думаешь, что лучше приготовит бефстроганов или гуся с яблоками. Я прямо не знаю, что делать. Гуся готовили у Зинаиды Ивановны. Прямо голова кругом... Я обязательно приготовлю гречневую кашу с черносливом. Ты занимайся. Занимайся. Ты мне совсем не мешаешь. Ничуть... Ты занимайся, а то придет Руслан, ему надо будет пианино.

Скоро приходил Руслан. Он сам научился

играть и мог часами сидеть за пианино, разучивая по нотам какие-то пьесы и сонаты, а то и просто играть «из головы», как объясняла его сестра Тамара, подружка Клары.

В доме у Наты Казимировны было довольно много по тем временам книг, правда, взрослых. Потому Неська начала читать взрослую литературу и перескочила через детскую. Тут она и решила, что когда вырастит, то у нее будет тоже много разных книжек и для детей, и для взрослых.

«С берез неслышен, невесом...»

По праздникам, а то и просто по выходным родители уходили в театр, на концерт или в гости. Приезжали разные знаменитости — Шульженко, Кадочников, Миронова и Менакер, Александрович, Штепсель с Тарапунькой, хор Пятницкого... Ни один концерт не пропускали, а потом долго обсуждали в компании. Кларка с подружками пошла на Кадочникова, нацепив нейлоновые чулки, так и сняли вместе с кожей. Додумались в сорокаградусный мороз!

Весело было, когда собирались гости. Быстро собирали на стол, обязательно накрытый белой крахмальной скатертью. В центре, под самым кружком света от абажура, ставили самовар с медалями. Он весело урчал, внизу видны были красные угли, а когда дули вылетало облачко золы с искорками огня, и тут же они гасли в чашках или

на печенье. На подносе вокруг самовара, как в очереди, и стояли чашки и полоскательница.

Известный в компании водолюб Вася-балтийский моряк, всегда в бескозырке с оранжевыми полосками на ленточках, начинал рассказывать о Балтике, что пришлось ему пережить, о случаях на море, страшных и фантастически счастливых: бомбили подлодку, но они отлежались на дне и еле живые дошли до базы, о том, как работали для блокадного Ленинграда на

«дороге жизни», как спасали детей и людей, которых бомбили на Ладоге, несмотря на то, что баржа шла под флагом Красного Креста. Вася-балтийский моряк всегда сидел в кресле-качалке на самом почетном месте и всем наливал чай. Через какое-то время Петя-пограничник вытаскивал баян, в руках мамы и у Густы появлялись гитары с неизменными бантами на деке, и все начинали петь. Пели задумчиво, протяжно. От диких степей Забайкалья до несчастной любви к кубанскому казаку, который, каким был, таким и остался. И про калину, которая расцвела у ручья и про рябинушку с дубом.

Потом стол отодвигали и Васю на качалке. Вася был хром после тяжелого ранения и не танцевал. Включалась радиола, из тумбочки появлялась коробка с пластинками. Пары кружились в вальсе, танцевали полечку и краковяк.

Вальс «Березка» и «Дунайские волны» были особо любимы и ставились по несколько раз.

Кружились колокола юбок, колбаски локонов раскручивались, по очереди женщины убегали в другую комнату подкрутить волосы плойкой, попудрить разруганные щеки, подкрасить губы помадой и капнуть духами за ушком... Мужчины степенно выходили на перекур.

В квартире была еще одна малюсенькая комнатуха — «кутух». Там стояла узкая железная кровать и стул. На стене перед кроватью висела карта мира.

Тут Неська укладывалась спать. Она не спала. В щелочку между тяжелыми портьерами смотрела, что происходит в большой комнате. И нравилось ей это до невозможности. Сегодня мама такая красивая в новом платье. Августа Антоновна, Густа, как ее все звали, опять в новом шарфике. Платье одно, а шарфики каждый раз новые, да, еще прическа сегодня новая. Зато Зинаида Ивановна была, как всегда, строга. Еще бы — генеральша. А у Наты Казимировны новые бусы и серьги.

— А Розка-то как нарядилась., щеки размалевала Совсем настоящая фря...

— Что хочешь, мужа ищет. Понятно. — отвечал второй незнакомый голос.

— А что у Анны со Степой?

Неська слышно ворохнулась, чтобы дать

понять, что в «кутухе» кто-то есть.

— Тише, — зашипел неизвестный голос.

Пары кружились в вальсе. «Петь, а ты что не танцуешь? А женщины вышли. «Тогда жди, вернутся.»

Неська высунула нос из своего убежища: «А мне можно с вами танцевать?»

— Ну, конечно же, давай сюда.

Неська очень хотела показать свои обновы. На стуле висело новое шерстяное синее платье. Тут же на стуле лежала красная фетровая шляпка с ободком, на котором были дырочками нарисованы цветы. А под подушкой лежали новые красные туфли на белой каучуковой подошве. Она быстренько оделась. Вот шнурки длинные задерживали, их надо было завязывать на два бантика. Мама сказала «обрежь», но как можно обрезать такие новые шнурки.

Наконец, она была готова и появилась.

— Дядя Петя, а я не умею танцевать, совсем не умею.

— Не беда, сейчас научимся. Запомни, каждый человек должен уметь танцевать вальс, польку и фокстрот. Это самые танцы из танцев, а еще польку можно и краковяк. Запомнишь, что я тебе сказал?

— Да.

— На всю жизнь?

— На всю.

— А теперь пошли. Раз-два три. Раз-два три.

Шляпа съехала на одно ухо, ноги не хотели двигаться в такт музыки. Она наступала ему на ноги. Он, боясь отдавить ее ноги, сказал: «Становись мне на сапоги и крепче держись за меня.»

Они начали кружиться в вальсе, но другая пара натолкнулась на них, и они повалились на стол. Самовар упал на бок, зазвенели чашки, полился кипяток.

«Надо скатерть снять и вытереть пол, а то нельзя танцевать» — кто-то сказал и тут же потянул скатерть со стола.

Так и сделали. И тут на столе все увидели нарисованную клавиатуру с названиями нот и октав. Над клавиатурой увидели две нарисованные руки: левая с растопыренными пальцами, где, начиная с большого пальца были пронумерованы: 1-2-3-4-5. Сверху надпись — ЛЕВАЯ. Так же была нарисована и правая рука.

Сразу все подошли к столу и стали рассматривать.

Мама пояснила:

— Неська оказалась маленькой для школы. Конечно, можно было бы отдать, она у меня осенняя. Но я решила пусть подрастет, и я ее отдала в музыкальную школу. Инструмента у нас пока нет,

вот и нарисовали, как Ольга Габриэловна посоветовала. Пусть ноты учит, пальцы. А то она считает пальцы от каждого мизинца до десяти первый второй-третий-четвертый-пятый-шестой-седьмой-восьмой-девятый-десятый., а в нотах — указаны только от первого по пятый. Да и пока руку поставят...

В тот вечер Ната Казимировна была в полнейшем изумлении и тут же предложила:

— Анечка, пусть Неська ходит к нам. Руслан полдня в школе, инструмент свободен. Пока купите, пусть к нам приходит. Я одна дома, и мне и интересно будет.

— Спасибо, Ната. Я вот думаю, из Неськи получится актриса. Она так любит петь и танцевать. Да. Вот я покажу фотографию. Мне сегодня принесли.

Посмотрите. Это ее учительница по музыке мне принесла на работу.

Неська кошкой протянула руку и цапнула фотографию, она ее еще не видела. Она стоит около пианино. Ольга Габриэловна сверху вниз смотрит на нее в ожидании подыграть. Неська вспомнила, она ей говорила «Держи ноту до конца. Это четверть с точкой. Держи».

И вот здесь видно, что Неська держит четверть с точкой, вся подалась вперед, руки

вцепились и комкают платье, приподняв края юбки, а губы хоботком вытянуты вперед: и-и-и-и.

— Я могу вам сейчас спеть эту песню. Я ее знаю наизусть. Я и стихи знаю.

Кто-то принес табуретку и поставил Неську на нее.

Неська прочитала стихи и спела пару песенок. Все заплодировали. Неська поклонилась и хотела сделать «книксен», но шляпа опять съехала на ухо, и она свалилась с табурета. Ее тут же подхватили, а мама сказала: «Ну, все на сегодня. Марш в «кутух». Пора спать».

Она вернулась в свой «кутух», аккуратно повесила платье на стул, сюда же положила шляпу, а туфли, еле развязав кряхтя банты, вытерла шляпой и положила под подушку.

Бабушка Оня из Сибири

«Еще чего, она будет артисткой. Она будет врачом, хирургом. Как мама Тани Райзман. Ее на машине с красным крестом часто на работу возят. Даже по вечерам или иногда рано утром. Она операции делает. Я тоже сделала, только одну пока» — так размышляла Неська над словами мамы о ее артистическом будущем.

Операцию, как она это называла, она действительно сделала кукле. Хотела узнать, чем